

Научная статья

УДК 821.161.1

DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-2-89-100

Литературная репутация В. А. Жуковского в 1808–1815 годах: от «Вестника Европы» к «Российскому музеуму»

Дмитрий Владимирович Долгушин

Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия

D_Dolgushin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5753-1206>

Аннотация

Приступив к редактированию «Вестника Европы» в 1808 г., Жуковский в «Письме из уезда к издателю» анонсировал идиллическую авторепрезентативную модель «малого круга» («petit cercle»), которую он раньше выстраивал в лирике, переписке и дневниках. Эта модель была проигнорирована М. Т. Каченовским, ориентировавшимся на разночинскую модель «литератора-труженика». В «Российском музеуме» модель «малого круга» оказалась адаптирована к карамзинистскому контексту, «малый круг» чувствительных душ превратился в узкий круг избранных талантов, а враждебная «малому кругу» сила судьбы оказалась функционально сопоставлена с завистью их литературных противников. Наиболее плодотворным для карамзинистской рецепции оказалось амплу Жуковского как «русского Тиртея». Оно стало точкой, в которой чаяния карамзинистов совпали с внутренними устремлениями Жуковского к идиллическому идеалу.

Ключевые слова

В. А. Жуковский, М. Т. Каченовский, В. В. Измайлов, «Вестник Европы», «Российский музеум», литературная репутация

Благодарности

Исследование проведено при финансовой поддержке РФФИ (проект № 24-18-00386 «История русской литературной критики первой половины XIX века: В. А. Жуковский в прижизненной критической рецепции»)

Для цитирования

Долгушин Д. В. Литературная репутация В. А. Жуковского в 1808–1815 годах: от «Вестника Европы» к «Российскому музеуму» // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2025. Т. 24, № 2: Филология. С. 89–100. DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-2-89-100

The Literary Reputation of V. A. Zhukovsky in 1808–1815: From *Vestnik Evropy* to *Rossiiskii Muzeum*

Dmitry V. Dolgushin

Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation

D_Dolgushin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5753-1206>

Abstract

Purpose. The article examines the problem of formation of V. A. Zhukovsky's literary reputation in 1808–1815, based on the materials of the journals *Vestnik Evropy* and *Rossiiskii Muzeum*.

Results. Having started editing *Vestnik Evropy* in 1808, Zhukovsky announced the idyllic self-representational model of the “petit cercle” (“small circle”) which he had previously built in his lyrics, correspondence and diaries. This mod-

el was ignored by M. T. Kachenovsky, Zhukovsky's comrade in publishing the magazine, guided by the *raznochintsy* model of "writer-worker". V. V. Izmailov (the editor of *Vestnik Evropy* in 1814) in 1815 created a magazine called *Russian Museum*, where V. A. Zhukovsky's autorepresentative model was adapted to the Karamzin context and transformed. The "small circle" of souls turned into a circle of selected talents, and the hostile force of fate – into the envy of their literary opponents. The most fruitful for the Karamzinist reception was Zhukovsky's role of "Russian Tyrtaeus".

Conclusion. Thus, the ensemble unity of the journals *Vestnik Evropy* and *Rossiiski Muzeum* may be considered as a space where Zhukovsky's literary reputation was formed in a complex interaction of interpretations.

Keywords

V. A. Zhukovsky, M. T. Kachenovsky, V. V. Izmailov, *Vestnik Evropy*, *Rossiiski Muzeum*, Literary Reputation

Acknowledgements

Research with financial support from the Russian Science Foundation (project no. 24-18-00386 "History of Russian literary criticism of the first half of the 19th century: Vasily Zhukovsky in lifetime critical reception")

For citation

Dolgushin D. V. The Literary Reputation of V. A. Zhukovsky in 1808–1815: From *Vestnik Evropy* to *Rossiiskii Muzeum*. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2025, vol. 24, no. 2: Philology, pp. 89–100. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-2-89-100

Участие Жуковского в журнале «Вестник Европы»¹ не раз становилось предметом исследования, причем в самых разных аспектах (см. работы И. А. Айзиковой, М. Б. Велижева, В. В. Гиппиуса, Г. В. Зыковой, В. С. Киселева, С. Я. Махониной, Н. И. Мордовченко, И. А. Поплавской, В. И. Симанкова и др.). Несмотря на это, тему нельзя считать до конца исчерпанной. В частности, нерешенным остается вопрос о роли *ВЕ* в формировании литературной репутации Жуковского.

Под литературной репутацией мы вслед за А. И. Рейтблатом понимаем «представления о писателе и его творчестве, которые сложились в рамках литературной системы и свойственны значительной части ее участников» [Рейтблат, 2001, с. 51]. Очевидно, что литературная репутация формируется в результате взаимодействия двух факторов: 1) авторрепрезентации, предъявляемой автором с помощью художественных, автодокументальных, литературно-критических, публицистических и др. текстов (а иногда и бытового поведения); 2) концептуализации личности и творчества автора другими участниками литературного процесса (при этом авторрепрезентация автора может либо рецептироваться, либо отторгаться, либо корректироваться).

Особенностью творчества Жуковского была его повышенная авторрепрезентативность. Уже современные Жуковскому критики заметили свойственное первому русскому романтику стремление к лирической интеграции, к «нераздельности жизни и поэзии» (С. П. Шевырев), «тесную связь» произведений поэта с его биографией (В. Г. Белинский). Что бы ни делал Жуковский – сочинял стихи, переводил прозу, издавал журнал, занимался педагогикой, писал философские статьи, вел богословские споры, – всюду он вращался в кругу одних и тех же экзистенциальных проблем, зафиксированных им еще на страницах юношеского дневника и переписки. У Жуковского почти нет «отстраненных» текстов, степень интративности его поэтической вселенной крайне велика, и почти каждое его произведение в той или иной мере авторефлексивно. Мало кто из русских литераторов может сравниться с Жуковским в «накале» авторрепрезентативности. Неудивительно, что этот феномен давно обратил на себя внимание исследователей, и «лирическая биография» Жуковского неоднократно становилась объектом литературоведческих интерпретаций, в том числе и в классических работах А. Н. Веселовского и Г. А. Гуковского.

Но вопрос о том, что происходило на другом полюсе формирования литературной репутации Жуковского (т. е. вопрос о том, как концептуализировалась личность Жуковского литературной средой и как при этом рецептировалась (отторгалась? корректировалась?) его

¹ Далее – *ВЕ*.

авторепрезентация), остается до сих пор открытым. Мы исследуем его на материале журналов *ВЕ* и «Российский музей»² 1808–1815 гг.

По традиции, сложившейся в *ВЕ* со времен Карамзина, каждый новый редактор журнала, приступая к изданию, печатал программную статью в форме письма, якобы присланного в редакцию одним из будущих читателей «Вестника». Следуя этому обычаю, Жуковский поместил в № 1 за 1808 г. свое «Письмо из уезда к издателю» – декларацию принципов и подходов, которые он собирался реализовывать в издании журнала. Этот текст – одна из ключевых и наиболее развернутых экспликаций идеалов молодого Жуковского. «Письмо...» неоднократно подвергалось исследовательскому анализу, там не менее мы позволим себе еще раз проанализировать его, чтобы яснее выявить особенности сформулированной в нем авторепрезентативной модели.

Начнем с сопоставления этого текста с аналогичными текстами других редакторов *ВЕ*. Н. М. Карамзин, М. Т. Каченовский и В. В. Измайлов писали свои программные статьи так же, как и сейчас пишутся подобные анонсы: заявляли структуру журнала, обещали наполнять ее занимательными и полезными материалами, исчисляли выгоды, которые получают «субскрибенты», подписавшись на *ВЕ*, указывали на актуальную общественно-политическую и культурную повестку, которая в журнале будет отражена. При всех индивидуальных особенностях и нюансах все три автора были едины в том, что издаваемый ими журнал должен быть «вестником любопытных происшествий в Европе и всех новых явлений, как в ученом, так и в политическом мире» [Измайлов, 1814, с. 5]. Современная эпоха в ее научной, политической, литературной составляющей – вот та реальность, в соприкосновение с которой они хотели ввести своего читателя.

«Письмо...» Жуковского на этом фоне поражает своей интроспективностью. Жуковский настойчиво связывает концепцию журнала не с внешним, а с внутренним миром, с «жизнью души», и чуждается всякой современной повестки отнюдь не только по цензурным причинам. По справедливому замечанию В. С. Киселева, он пытается возродить сентименталистские традиции авторской журналистики 1790-х гг., ориентированной на «индивидуально-личностное видение», на создание в журнале «завершенного художественного мира» (см.: [Киселев, 2011, с. 101]).

Ключевым звеном этого художественного мира стал чрезвычайно насыщенный автобиографическими коннотациями образ чувствительного героя, изначально сложившийся у Жуковского под влиянием Карамзина. Жуковский придал этому образу экзистенциальную и даже онтологическую значимость, интерпретируя чувствительность не просто как свойство характера, но как самую жизнь души. Поддержание души в чувствительном состоянии понимается Жуковским как сотериологическая задача практического жизнестроения. Формула ее решения выражена в девизе «*activité dans un petit cercle*»³: необходимо создать «малый круг» сочувственников, общение с которыми позволит «оживлять и ободрять [себя] в искании всего хорошего» [Жуковский, 2018, т. 13, с. 25]⁴, избегать крайностей мертвящей холодности и разрушительного энтузиазма, наслаждаться «занятиями приятными и постоянными» (XIII, 17) и, таким образом, пребывать в состоянии «счастья», что и является «главным делом человека». Эту программу Жуковский старался реализовать в выстраивании дружеского круга в первой половине 1800-х гг., в любви к Маше Протасовой во второй половине 1800-х гг. – первой половине 1810-х гг. Эту программу он предназначил и для *ВЕ* в 1808 г.

«Письмо из уезда к издателю» представляет собой ее парадоксальную экспликацию. Парадокс заключается в том, что идеал «малого круга» Жуковский выносит на широкую публику. Малое он пытается масштабировать в большое, интимно-личное – в историческое. Карамзин начал свое «Письмо к издателю» с размашистого, занявшего более половины общего объема текста, очерка об успехах просвещения в Европе и в России. Жуковский тоже пишет

² Далее – *РМ*.

³ Деятельность в малом круге. – *франц.*

⁴ Далее ссылки на это издание даются в тексте с указанием тома (римской цифрой) и страницы (арабской).

об этом, но просветительская тема у него стремительно перерастает в апологию «малого круга». Само просвещение понимается им «как искусство жить, искусство действовать и совершенствоваться в том круге, в который заключила нас рука Промысла; в самом себе находить неотъемлемое счастье» (XII, 180).

Подобные формулы шагнули на страницы *ВЕ* прямо со страниц дневника Жуковского. Они представляют собой внутреннюю речь, ранее обращенную к самому себе, но теперь звучащую во всеуслышание. Жуковский готов всю Россию сплотить в «малый круг» или, может быть, наоборот, «малый круг» расширить до России (ведь превращение большого в малое одновременно означает и превращение малого в большое).

Можно сказать, что в «Письме из уезда...» Жуковский развивает идею утопии «малого круга», осуществлению которой должен способствовать издаваемый им журнал. Издание журнала ведет к просвещению публики, просвещение приведет ко всеобщему счастью – но не потому, что создаст условия для прогресса, а потому, что обесценит сферу политического. Просвещенный человек поймет, что «счастье» заключено в его собственной душе, а не во внешних обстоятельствах, он будет доволен «тем участком благ, большим или малым, который получил от Проведения». «Одинакие понятия о наслаждениях жизнью соединят чертоги и хижину!». «Слабые или низкие» связи распадутся. Никому не будет интересно рассеянное времяпровождение в «шумном, обширном кругу света». Все будут стремиться в «мирный и тесный круг семейства», которое превратится «в радостное неразделимое товарищество на пути к счастью» (XII, 180–181), т. е. в «*petit cercle*».

Мы не будем сейчас углубляться в вопрос о генезисе этой утопической конструкции, о связи ее со статьями Карамзина «Мелодор к Филалету», «Филалет к Мелодору», «Разговор о счастии. Филалет и Мелодор», с эпикурейскими концепциями эвдемонии, с руссоизмом, с некоторыми исканиями немецкого романтизма (ср. цикл «Вера и любовь» Новалиса), с опытом младшего тургеневского кружка, наконец, с самым духом эпохи, изобиловавшей «священными союзами» (см.: [Зорин, 2004, с. 287–289]) и «эмоциональными убежищами» (У. Редди). Заметим лишь, что утопия «малого круга», как и всякая утопия, требует остановки времени, изгнания истории. Коса времени, занесенная над нею, – самый страшный ее враг.

В мотивно-образной системе лирики Жуковского 1800-х – 1810-х гг. образы времени, судьбы и смерти были взаимосвязаны и, по сути, синонимичны. Время у Жуковского – всегда «хронос», а не «кайрос», разрушитель, а не целитель, «безрассудный, злобный рок», «необоримая ко счастью преграда!» (I, 50). Жуковский ведет борьбу с его всепоглощающей силой. Не только мотивно-образная, но и жанрово-стилевая система лирики Жуковского может быть интерпретирована как поэтическая артикуляция противоборства со временем. Оба принципиально важных для Жуковского 1800-х – 1810-х гг. лирических жанра – элегия и идиллия – связаны с преодолением хроноса. В элегии оно происходит через эстетизацию времени, превращающую горькое чувство бренности в сладкое чувство меланхолии. В идиллии время просто останавливается. Она статична, как статична картинка (ведь слово «идиллия» и происходит от греч. εἰδύλλιον, что значит «картинка»). Именно идиллия является художественным коррелятом «малого круга». В «малом круге» ничего не должно случаться, он бессобытиен, это утопия остановленного времени.

Характерно, что провозглашение этого идеала в «Письме из уезда...» вложено в уста персонажа пророческого – седого старика Стародума, образ которого (в отличие от условных и безмянных фигур авторов в статьях Карамзина и Каченовского) подвергся характерологической детализации. В порыве вдохновения Стародум уподобляется прорицательнице: «...друзья мои, замечаю, что нечувствительно очутился на треножке пифии; <...> на краю гроба предсказываю золотой век!» (XII, 182), – говорит он. Охваченный пророческим восторгом, Стародум даже внешне преображается, молодеет. Изображая своего резонера именно так, Жуковский подчеркивает надвременность и даже сакральность возвещаемого им идеала.

Воплощение этого идеала в *ВЕ* натолкнулось на две трудности: литературную рутину (т. е. необходимость регулярно наполнять журнал новыми материалами точно к сроку) и позицию Каченовского, вернувшегося в журнал уже осенью 1808 г. Только первые номера 1808 г., «хорошо подготовленные и продуманные», выпускавшиеся без «сколько-нибудь значительного участия других авторов», обладали достаточной для целей Жуковского мерой содержательной и повествовательной слитности (см.: [Киселев, 2011, с. 107]).

Но уже с осени 1808 г. в *ВЕ* начинается сосуществование двух программ – программы Жуковского, «построенной на примате дружеского общения» и «построения малого мира», и программы «ученого журнала», выдвинутой Каченовским (см.: [Там же, с. 105–106]). Понятно, что эти две программы были несовместимы и даже противоположны, и в перспективе одна из них должна была вытеснить другую. Так и произошло. *ВЕ* 1820-х гг. под руководством Каченовского превратился в рупор ученого педантизма, стал терять подписчиков и по этой причине закрылся. Исход этот не удивителен. Удивительно другое: почему при столь контрастной разнице программ и жизненных установок Каченовский вообще привлек Жуковского к сотрудничеству в журнале? Ведь в 1808 г. Жуковский стал редактором *ВЕ* именно по настойчивому приглашению Каченовского. Почему Каченовский пригласил его?

М. Б. Велижев полагает – потому, что видел в Жуковском человека И. И. Дмитриева, главной фигуры карамзинистского круга 1800-х гг. Испуганный возможным назначением Дмитриева в попечители Московского учебного округа, Каченовский (испортивший с Дмитриевым отношения в 1806 г.) постарался примириться с ним, отдав *ВЕ* в руки близкого ему человека (см.: [Велижев, 2004, с. 77]). Эти расчеты, возможно, действительно повлияли на приход Жуковского в *ВЕ*, но обращает на себя внимание и другое.

Каченовский, человек довольно замкнутый и недоверчивый (см.: [Умбрашко, 2006, с. 257]), не просто взял Жуковского себе в сотрудники, но и сдружился с ним и даже сделал Жуковского крестным отцом своих детей – Егора в 1810 г. и Владимира в 1826 г. (обстоятельство весьма красноречивое, если знать, насколько трепетно Каченовский относился к своей семье – ради «тихой семейной жизни» в Москве он в 1810 г. отказался от блестящей столичной карьеры (см.: [Там же, с. 249])). Сын Каченовского вспоминал, что его отец общался с Жуковским почти как с родственником: «Михаил Трофимович и Василий Андреевич, – пишет он, – говорили друг другу “ты”, тогда как до такой короткости М. Т. до того времени ни с кем из знакомых не доходил, и такую форму обращения к нему употребляла лишь одна его жена» [Каченовский, 1892, с. 10]. Может быть, на «ты» Жуковский и Каченовский перешли далеко не сразу, в переписке 1800–1810-х гг. они на «Вы»⁵, но все равно степень сближения с Жуковским для Каченовского была экстраординарной.

Это сближение было бы невозможным, если бы Каченовский не видел в Жуковском похожего на себя человека. Для того чтобы понять, в чем именно он мог обнаружить сходство между собой и Жуковским и, следовательно, к какой концептуализации личности Жуковского был склонен, нужно разобраться в особенностях личностного склада самого Каченовского.

Литературная репутация Каченовского, сложившаяся к 1830 г., хорошо известна и незавидна. Каченовский – скептик, педант, «зоил». Если «позорное клеймо» «зоила» явно призрачно, то реноме скептика и педанта, кажется, имело под собой реальные основания. Каченовский, действительно, был ярким представителем скептической школы, педантично и мелочно подвергавшим сомнению самые очевидные факты. Но вряд ли скептицизм можно назвать основой личностного самосознания Каченовского. Стратегия скептицизма распространялась им лишь на некоторые сферы жизни – и не распространялась на другие. Скептиком он был, когда публиковал бесконечные исследования о «банном строении» и о «кожаных деньгах», дискутировал с Карамзиным, когда читал в университете лекции, в которых «скептицизм проглядывал при каждом удобном случае» [Соловьев, 1915, с. 42], но в иной обста-

⁵ См.: [Иезуитова, 1981]. Хотя, как видно из приводимой ниже цитаты из письма Каченовского Жуковскому от 3 сентября 1810 г., иногда проскальзывает и «ты».

новке Каченовский вел себя совсем по-другому. «В домашнем быту, – пишет Н. Н. Мурзакевич, – в любимом чердачке, в старых халате и креслах, чуть не по шею заваленный книгами, журналами и брошюрами, Каченовский был не тот суровый, недоверчивый профессор, но образец простодушной наивности, юмора и удивительной начитанности, передаваемой, впрочем, без тяжелого педантизма» [Мурзакевич, 1887, с. 132]. В политических и религиозных взглядах Каченовского скептицизм никак не проявился: «не было человека более консервативного в том и другом отношении» [Соловьев, 1915, с. 43]. Абсолютно лояльно он вел себя и при исполнении служебных обязанностей (и это при том, что Каченовский не был конформистом, «отличался честностью и бескорыстием, был тверд и смел, не боясь идти против общего мнения и какого бы то ни было лица» [Погодин, 1842, с. 209]).

Настоящей основой личностного самосознания Каченовского был не скептицизм, а ощущение себя «тружеником литературы», работником-разночинцем, живущим литературным трудом⁶. Сын харьковского мещанина, получивший архаичное образование в Харьковском коллегиуме, Каченовский был вынужден восполнять недостаток знаний усиленной автодидактикой. В литературной и университетской карьере Каченовского свою роль сыграло покровительство со стороны А. К. Разумовского. Но все же главной причиной успеха было необычайное трудолюбие, которое отмечают все мемуаристы. «Если Каченовский не имел блестящих природных дарований, – писал Ф. Кони, автор его некролога в «Литературной газете», – то все превозмог своим трудолюбием и усидчивостью» (цит. по: [Умбрашко, 2006, с. 259]).

Именно это могло импонировать Каченовскому в Жуковском. Он видел в нем человека с похожей судьбой: незаконнорожденность, а значит не совсем дворянское происхождение, готовность восполнять пробелы образования усердной автодидактикой, желание зарабатывать на жизнь литературой при отсутствии других способов добывать хлеб насущный, готовность быть «скромным литератором» (XV, 23) – все это можно было обнаружить в новом редакторе журнала.

Жуковский точно так же, как Каченовский, – литературный труженик. Как и Каченовский, он «экономит временем», ведет «крайне регулярный» [Каченовский, 1892, с. 8] образ жизни, каждый день встает в 6 часов утра, а то и раньше, и занимается литературным трудом – составляет конспекты и «экстракты», пишет статьи и художественные произведения, переводит, системно штудирует классические работы по эстетике и истории. Кабинетными занятиями было насыщено «белевское уединение» Жуковского 1803–1806 гг., а также его жизнь в Мишенском и Белеве в 1810 г.

Период 1810 г. особенно интересен, поскольку он обнаруживает синхронность интеллектуальных увлечений Жуковского и Каченовского. Жуковский тогда работал над сбором материалов для поэмы «Владимир», и очень скоро эти занятия переросли свое первоначальное предназначение. Заметив у себя недостаток исторических знаний, Жуковский решил заполнить столь досадный пробел и с головой погрузился в изучение трудов Гаттерера и, особенно, А. Шлецера.

Имя А. Шлецера – знаковое в творческом диалоге Жуковского и Каченовского. Для Каченовского знакомство с трудами этого историка было целой эпохой. Благодаря Шлецеру он открыл для себя критический метод и примкнул к скептической школе, став ее самым известным представителем в России. Несмотря на то, что Каченовский не соглашался со Шлецером в частностях, в методологическом отношении он шел за ним «след в след», на что неоднократно указывалось в литературе (см.: [Милюков, 2002, с. 365]).

Жуковский в 1810 г. также был чрезвычайно увлечен Шлецером. Его письма А. И. Тургеневу переполнены просьбами прислать «шлецеровы сочинения». Жуковский превозносит Шлецера, называет его «Лессингом, Лагарпом истории» (XV, 89–90). Любопытно, что именно в это время поэт увлекся историческими таблицами – и тоже под влиянием Шлецера (см.:

⁶ Ср. концепцию *BE* как журнала с «разночинским» бэкграундом, развиваемую Г. Н. Зыковой [1998].

[Долгушин, 2022]). Поначалу Жуковский даже опережал Каченовского в «шлецеромании». «Я не взялся еще читать тома Шлецерова “Нестора”. Будь отцом родным! Пришли мне его недели на две»⁷, – просил Каченовский Жуковского в письме от 3 сентября 1810 г.

В целом можно сказать, что Каченовский был не склонен соглашаться с авторепрезентативной моделью «Письма из уезда к издателю». Он отторгал или, вернее сказать, просто игнорировал ее. Жуковский воспринимался им не как «чувствительная душа», а как коллега, соратник по литературному цеху. К *ВЕ* Каченовский относился прагматически, по-деловому. И общение Каченовского с Жуковским тоже было деловым, хотя и дружеским.

Характерна в этом смысле сцена, произошедшая во время их встречи в августе 1839 г., о которой вспоминал сын Каченовского Владимир [Каченовский, 1890, с. 690]. Как видно из его мемуара, Каченовский и Жуковский даже спустя много лет после завершения своих журналистских карьер общались как два издателя-профессионала, черпая материал для шуток в общем опыте редакторского ремесла. Такой «цеховой» стиль, видимо, был органичным и для предшествующих десятилетий их общения.

Нельзя сказать, что Жуковского совершенно не устраивало предполагавшееся этим стилем амплу «работника с пером в руке». Оно оказалось востребовано им во время педагогической службы при дворе. Не поэтом, а работником Жуковский зачастую предстает в переписке и даже в домашнем быту этого времени (см.: [Веселовский, 2016, с. 360]) – когда опять, как во времена *ВЕ*, в жизни Жуковского появилась работа на срок, постоянное отслеживание текущей литературы, подготовка выдержек и переводов, составление конспектов, редактирование текстов, да и просто выпуск периодических изданий («Für Wenige», «Собиратель», «Муравейник») ⁸.

В конце 1800 – начале 1810-х гг. литературные успехи Жуковского сделали насущной проблему интеграции его личности в карамзинистский контекст – особенно в связи с развернувшейся тогда «борьбой за литературные репутации» (В. Э. Вацуро). Два лагеря, на которые постепенно разделялась литература, формировали мифологию о своих героях и антигероях. Карамзинисты при этом опирались на модель, заимствованную из французской культуры, сформировавшуюся в ходе полемики Вольтера с Дефонтемом и Фрероном (см.: [Велижев, 2004]). В основу ее было положено противопоставление двух литературных амплу – «таланта» и «зоила». Талант при этом позиционировался как невинная жертва зависти, козней и клеветы, зоил – как бездарный завистник, интриган и педант. К 1810-м гг. эта модель успела пройти апробацию в ходе конфликтов Дмитриева с Д. И. Хвостовым и с Каченовским (Дмитриев – талант, жертва зависти; Хвостов и Каченовский – завистники-зоилы). В 1815 г. модель «талант – жертва зависти зоила» стала ключевой для интерпретации карамзинистами судьбы В. А. Озерова (талант – Озеров; зоил – А. А. Шаховской) (см.: [Арзамас, 1994, с. 18]).

Литературной площадкой, где наиболее публично и развернуто была заявлена эта тема, стал *РМ*, издававшийся В. В. Измайловым в 1815 г., а способом ее артикуляции – стихотворные послания, которыми обменялись на его страницах В. Л. Пушкин, П. А. Вяземский и Жуковский (№ 2, 3, 6). В них не только открыто было выдвинуто обвинение против Шаховского, но и довольно отчетливо заявлена концепция дружеского круга карамзинистов как союза «гениев», противопоставленного критикам и толпе. В перечислении относящихся к этому кругу поэтов В. Л. Пушкин на первое место ставит Жуковского:

Жуковский, Батюшков, Кокошкин и Дашков
Явятся вечерком нас услаждать стихами,

⁷ РО ИРЛИ. № 28075. Л. 29. Благодарю В. С. Киселева за предоставленную цитату.

⁸ Любопытная деталь: в обществе циркулировали слухи о том, что Николай I прежде, чем назначить Жуковского инспектором классов наследника престола, рассматривал на эту должность и кандидатуру Каченовского (см.: [Соловьев, 1915, с. 43]).

Воейков пропоет куплеты с нами
И острой насмешит сатирой на глупцов...
«Послание к князю Петру Андреевичу Вяземскому»
(№ 2, с. 137)

Жуковский с готовностью подхватил такую концептуализацию своей личности. Позже, в литературной полемике 1820–1830-х гг., тема «знаменитых друзей» станет жупелом, но в 1810-х гг. она еще не была профанирована и сохраняла обаяние новизны. Модель «talанты, противостоящие зоилам» была способна интегрироваться с идеей «малого круга». Она предполагала противопоставление дружеского кружка истинных ценителей искусства ветреной публике, на потеху которой зоилы и издеваются над талантами. Оппозиция «talант – зоил» легко проецировалась на оппозицию «чувствительный – холодный». Еще в «Письме из уезда...» Жуковский противопоставлял «истинную славу», основанную на «непристрастной, заслуженной похвале избранных», и «минутные успехи, получаемые в толпе» (XII, 183).

Жуковский, несомненно, был ключевой фигурой дружеского кружка, и публикации *PM* должны были поддерживать этот статус – причем публикации не только стихотворные. В рецензии на послание Жуковского «Императору Александру», появившейся в 5-м номере *PM*, анонимный ее автор (возможно, сам В. В. Измайлов?), не колеблясь, включает Жуковского «в список наших лучших поэтов, а его сочинения в число нашего богатого капитала в поэзии» [Измайлов, 1815, с. 204]. Успехи Жуковского в литературе он называет «блестящими». Характерна концовка рецензии, в которой говорится: «рецензент с удовольствием исполнил свой двойной долг: как журналист, обязанный отдавать отчет в новых отличных произведениях своего времени, и как приятель, принимающий искреннее участие в успехах любезного ему человека и писателя» [Там же, с. 210]. Автор, таким образом, подчеркивает, что значимость фигуры Жуковского определяется не только его литературными заслугами, но и интегрированностью в дружеский круг.

Именно на материале биографии Жуковского модель «talант – жертва зависти» найдет у карамзинистов свое наиболее последовательное воплощение, став отправной точкой арзамасской игры. В определившем канву этой игры тексте – «Видении в какой-то ограде» Д. Н. Блудова – Жуковский выведен в образе «кроткого юноши», «дерзнувшего» оскорбить завистников (т. е. Шаховского, высмеявшего Жуковского в «Липецких водах») своими «talантами и успехами» [Арзамас, 1994, с. 264]. В последующем тема зависти «беседчиков» сделается у арзамасцев магистральной.

Основным претекстом для «Видения» был, как известно, памфлет А. Морелле (см.: [Там же, с. 538]), но можно предположить и наличие в нем некоторых аллюзий на «Письмо из уезда к издателю». И тот, и другой текст строятся как запись экстатических, вдохновенных вещаний, пересланная в столицу провинциальным литератором; и в том, и в другом тексте эти вещания вложены в уста «старца», «седого старика» – в одном случае А. С. Шишкова, в другом – Стародума. Если это предположение верно, то в каноне арзамасской игры обнаруживаются «снятие» выпадов Жуковского против карамзинизма⁹ и пародийная интерпретация созданного им полемического образа.

Но тема поэтического «дружества» была отнюдь не единственной в *PM*. Не менее значима для журнала тема патриотическая, обусловленная грандиозными историческими событиями, в эпоху которых выходил журнал. Именно с этой темы Измайлов начал свое издание *BE* в 1814 г., она стала ключевой и для *PM*, на страницах которого Жуковский выступает как «русский Тиртей» (по выражению П. А. Вяземского), автор «Певца во стане русских воинов» и других патриотических стихотворений.

Показательно, что в упомянутой выше рецензии именно это направление творчества Жуковского выдвинуто на первый план. Перечисляя лучшие произведения Жуковского, на пер-

⁹ В речах Стародума можно обнаружить критику чтения романов, инвективы против литературных «безделок» и щегольской культуры.

вое место ее автор ставит «Певца...». «Бранным певцом», поэтом войны и победы, а не балладником и элегистом предстает Жуковский в лицейских стихотворениях А. С. Пушкина, опубликованных в № 1 и 4 *РМ*:

Поэт! в твоей предметы воле!
Во звучны струны смело грянь,
С Ж[уковским] пой кроваву брань,
И грозну смерть на ратном поле.
«К Б[атюшк]ову»
(№ 1, с. 9)

О скальд России вдохновенный,
Воспевший ратных грозный строй...
«Воспоминания в Царском Селе»
(№ 4, с. 9)

Отсылка к «Певцу...» содержится в опубликованном в № 1 *РМ* стихотворении П. А. Вяземского «Русский пленник в стенах Парижа», явно написанном в pendant этому произведению Жуковского.

Характерно, что первый номер *РМ* открывается стихотворением Жуковского «Библия», которое представляет собой перевод одноименного стихотворения Л. де Фонтана. Оно состоит из перечисления ветхозаветных событий и завершается смысловым пуантом, указывающим на «телос» (т. е. конечную цель) ветхозаветной истории – Рождество Христово: «Ma course enfin s'arrête au berceau du Messie» [Fontanes, 1839, p. 46], – пишет Фонтан. Жуковский переводит более возвышенно, с приподнятой одической интонацией: «И се, Младенец-Бог Мессия в пеленах» (I, 333).

Традиционный для христианской экзегезы взгляд на Ветхий Завет как приурочение к Новому в 1815 г. приобретал новый смысл. Символика Рождества в это время постоянно использовалась в российской политической риторике для описания событий, положивших конец кровавой эпохе наполеоновских войн (см.: [Зорин, 2004; Андреев, 2012]). Победа над Наполеоном интерпретировалась как событие, открывающее путь к вечному миру, к началу эры христианского братства – той самой, что была некогда возвещена ангельской рождественской песнью: «Слава в вышних Богу, и на земле мир».

Именно к празднику Рождества Христова были приурочены идеологически важные манифесты 25 декабря 1812 г. (об изгнании французов из России, об основании Храма Христа Спасителя (праздник Рождества станет престольным праздником этого собора), об учреждении серебряной медали для войск), а также обнародование трактата о заключении Священного Союза в 1815 г. Сам трактат понимался Александром как рождественский дар Христу, принесенный тремя новыми волхвами – императором Всероссийским, императором Австрийским и королем Прусским (см.: [Зорин, 2004, с. 316–318]).

В рождественской теме присутствовал идиллический подтекст. Александр обратился к ней не только из-за увлечения мистицизмом, но и под влиянием Ф. С. Лагарпа и М. Н. Муравьева, сумевших еще в юности привить императору любовь к идиллическому. Идиллии Геснера с ранних лет были его любимым чтением, многие из них Александр знал наизусть, и в 1815 г., возвращаясь в Россию, специально заехал в Цюрих поклониться могиле швейцарского поэта. По словам В. К. Надлера, «среди неслыханного блеска своих побед, на высоте своей славы» Александр «мечтал о тихой безмятежной жизни поселянина, о его идиллическом счастье. <...> В Богемии, в годовщину Лейпцигского боя, он собственноручно пахал поле и вызвал тем взрыв умиления и восторга у присутствовавших лиц. Красивый деревенский вид, простая обстановка крестьянского жилища приводили его всегда в умиление, способны были вызвать у него восторженные восклицания и слезы» [Надлер, 1886, с. 15].

Рождественский вертеп, «Младенец лежащ в яслях» – это ведь тоже идиллия, сцена, по сути, сельская, пасторальная. Богомладенец рождается, овеванный запахом хлеба, рядом с Ним домашние животные, Ему приходят поклониться пастухи, и сам Он – Пастырь Добрый. Христос рождается не в горах, не в пустыне, а в вифлеемской долине, в «доме хлеба»,

среди пажитий и сельскохозяйственных угодий. Все это можно толковать и по-другому, трагически, запах хлеба – не запах уюта, Вифлеем – начало пути на Голгофу, предвестие заушений и заплеваний. Но эпоха выбрала не голгофское, а идиллическое понимание Рождества, хотя в предшествующие столетия оно, скорее, было голгофским. И жадное внимание эпохи к идиллии – маркер тоски по остановленному времени, чаяние того, что река времен перестанет бурлить и клокотать водоворотами крови и впадет наконец в заводь неизменного – вечного мира и благополучия.

Жуковский тонко чувствовал эту семантику и с готовностью осваивал риторический язык, на ней основанный (ср. стихотворение «Певец в Кремле», изображающее празднование победы над Наполеоном, приуроченное к Рождеству Христову, – в одной из рукописей оно озаглавлено «Певец на Кремле. В день Рождества Спасителя и воспоминания о спасении России» (П, 461)).

Неожиданно именно ампула «русского Тиртея» стало для Жуковского точкой, в которой ожидания его друзей-карамзинистов совпали с чаяниями эпохи и с его внутренним устремлением к идиллическому идеалу «малого круга». Из этого совпадения вырастает вся последующая биография Жуковского – он попадает во дворец, где, с его точки зрения, поэтическое и политическое соединяются, где одновременно царствует семейная идиллия и вершатся судьбы истории. Здесь Жуковский обретет, как ему покажется, пластический материал для воплощения своего идеала, и инструментом для этого воплощения опять окажутся периодические издания – «Für Wenige», «Собиратель» и «Муравейник», в работе над которыми Жуковский, несомненно, будет использовать тот опыт, который он приобрел, издавая «Вестник Европы» и участвуя в «Российском музее».

Список литературы

- Андреев А. Ю.** «Начало нового века»: рождественская символика в царствование Александра I // Вестник ПСТГУ. Серия II. 2012. № 1 (44). С. 40–48.
- Арзамас: В 2 кн. / Сост., подгот. текста и коммент. В. Вацура, А. Ильина-Томича, Л. Киселевой и др. М.: Худож. лит., 1994. Кн. 1. 605 с.
- Велижев М. Б.** «Вестник Европы» в литературной и общественной жизни второй половины 1800-х гг.: Дис. ... канд. филол. наук. М., 2004. 181 с.
- Веселовский А. Н.** В. А. Жуковский. Поэзия чувства и «сердечного воображения». М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016. 512 с.
- Долгушин Д. В.** Исторические таблицы В. А. Жуковского // Вестник РФФИ. Гуманитарные и общественные науки. 2022. № 1. С. 89–103.
- Жуковский В. А.** Полн. собр. соч. и писем / Под ред. А. С. Янушкевича, О. Б. Лебедевой и др. М., 1999–2018. Т. 1. 760 с.; Т. 2. 839 с.; Т. 12. 543 с.; Т. 13. 608 с.; Т. 15. 1088 с.
- Зорин А.** Кормя двуглавого орла... Литература и государственная идеология в России в посл. трети XVIII – перв. трети XIX века. М.: НЛЮ, 2004. 416 с.
- Зыкова Г. В.** Журнал Московского университета «Вестник Европы» (1805–1830 гг.). М.: Диалог-МГУ, 1998. 129 с.
- [**Иезуитова Р. В.**] Из неизданной переписки В. А. Жуковского // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского дома. Л.: Наука, 1981. С. 89–112.
- [**Измайлов В. В.**] К читателям Вестника от издателя // Вестник Европы. 1814. № 1. С. 3–9.
- [**Измайлов В. В. (?)**] Императору Александру. Стихотворение Василия Жуковского. С. Петербург. В типографии Ф. Дрехслера. 1815 // Российский музей. 1815. № 5. С. 202–210.
- Каченовский В. М.** Михаил Трофимович Каченовский. К очерку Н. П. Барсукова // Русская старина. 1890. № 6. С. 685–694.
- Каченовский В. М.** Михаил Трофимович Каченовский. М., 1892. 19 с.

- Киселев В. С.** Формы коммуникативно-повествовательной интеграции в «Вестнике Европы» В. А. Жуковского (1808–1810) // Вестник ТГУ. Филология. 2011. № 3. С. 101–112.
- Милуков П. Н.** Очерки истории исторической науки. М.: Наука, 2002. 540 с.
- Мурзакевич Н. Н.** Записки // Русская старина. 1887. Т. 54. С. 129–144.
- Надлер В. К.** Император Александр I и идея Священного союза. Рига, 1886. Т. 1. 390 с.
- Погодин М. П.** [Некролог М. Т. Каченовского] // Москвитянин. 1842. № 5. С. 208–210.
- Рейтблат А. И.** Как Пушкин вышел в гении. М.: НЛЮ, 2001. 328 с.
- Соловьев С. М.** Записки. Пг.: Прометей, 1915. 174 с.
- Умбрашко К. Б.** «Скептическая школа» в исторической науке России первой половины XIX в. М.: Ин-т российской истории, 2006. Т. 1. 353 с.
- Fontanes L. de.** Œuvres. Paris: L. Hachette, 1839. Т. 1. 431 p.

References

- Andreev A. Yu.** “Nachalo novogo veka”: rozhdestvenskaya simbolika v tsarstvovanie Aleksandra I [“The beginning of a new century”: Christmas symbols in the reign of Alexander I]. *Vestnik PSTGU. Seriya II [Bulletin of the OSTUH. Series II]*, 2012, no. 1 (44), pp. 40–48. (in Russ.)
- Arzamas. In 2 vols. Eds. V. Vatsuro, A. Ilina-Tomicha, L. Kiseleva et al. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1994, vol. 1, 605 p. (in Russ.)
- Dolgushin D. V.** Istoricheskie tablitsy V. A. Zhukovskogo [Historical tables of V. A. Zhukovsky]. *Vestnik RFFI. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki [Bulletin of the RFBR. Humanities and social sciences]*, 2022, no. 1, pp. 89–103. (in Russ.)
- [**Iezuitova R. V.**] Iz neizdannoi perepiski V. A. Zhukovskogo [From the unpublished correspondence of V. A. Zhukovsky]. In: *Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo doma [Yearbook of the Manuscript department of the Pushkin House]*. Leningrad, Nauka, 1981, pp. 89–112. (in Russ.)
- [**Izmailov V. V.**] K chitatel'nyam Vestnika ot izdatel'ya [To the readers of the Bulletin from the publisher]. *Vestnik Evropy [Bulletin of Europe]*, 1814, no. 1, pp. 3–9. (in Russ.)
- [**Izmailov V. V. (?)**] Imperatoru Aleksandru. Stikhotvorenie Vasiliya Zhukovskogo [To Emperor Alexander. A poem by Vasily Zhukovsky]. *Rossiiskii muzeum [Russian Museum]*, 1815, no. 5, pp. 202–210. (in Russ.)
- Fontanes L. de.** Œuvres [Works]. Paris, L. Hachette, 1839, vol. 1, 431 p.
- Kachenovsky V. M.** Mikhail Trofimovich Kachenovsky. Moscow, 1892, 19 p. (in Russ.)
- Kachenovsky V. M.** Mikhail Trofimovich Kachenovsky K ocherku N. P. Barsukova [Mikhail Trofimovich Kachenovsky. To the essay by N. P. Barsukov]. *Russkaya starina [Russian antiquity]*, 1890, no. 6, pp. 685–694. (in Russ.)
- Kiselev V. S.** Formy kommunikativno-povestvovatel'noi integratsii v “Vestnike Evropy” V. A. Zhukovskogo (1808–1810) [Forms of communicative and narrative integration in the Bulletin of Europe by V. A. Zhukovsky (1808–1810)]. *Vestnik TGU. Filologiya [Bulletin of TSU. Philology]*, 2011, no. 3, pp. 101–112. (in Russ.)
- Milyukov P. N.** Ocherki istorii istoricheskoi nauki [Essays on the history of historical Science]. Moscow, Nauka, 2002, 540 p. (in Russ.)
- Murzakevich N. N.** Zapiski [Notes]. *Russkaya starina [Russian antiquity]*, 1887, vol. 54, pp. 129–144. (in Russ.)
- Nadler V. K.** Imperator Aleksandr I i ideya Svyashchennogo soyuza [Emperor Alexander I and the idea of the Holy Alliance]. Riga, 1886, vol. 1, 390 p. (in Russ.)
- Pogodin M. P.** [Некролог М. Т. Каченовского] [Obituary of M. T. Kachenovsky]. *Moskvityanin [Moskvityanin]*, 1842, no. 5, pp. 208–210. (in Russ.)
- Reitblat A. I.** Kak Pushkin vyshel v genii [How Pushkin came out in genius]. Moscow, NLO, 2001, 328 p. (in Russ.)
- Soloviev S. M.** Zapiski [Notes]. Petrograd, Prometei, 1915, 174 p. (in Russ.)

- Umbrashko K. B.** “Skepticheskaya shkola” v istoricheskoi nauke Rossii pervoi poloviny XIX veka [“Skeptical school” in the historical science of Russia in the first half of the 19th century]. Moscow, Institute of Russian History, 2006, vol. 1, 353 p. (in Russ.)
- Velizhev M. B.** “Vestnik Evropy” v literaturnoi i obshchestvennoi zhizni vtoroi poloviny 1800-kh gg. [Bulletin of Europe in the literary and social life of the second half of the 1800s]. Diss. of the Cand. Philol. Sci. Moscow, 2004, 181 p. (in Russ.)
- Veselovsky A. N.** V. A. Zhukovsky. Poeziya chuvstva i “serdechnogo voobrazheniya” [V. A. Zhukovsky. Poetry of feeling and “heartfelt imagination”]. Moscow, St. Petersburg, Center for Humanitarian Initiatives Publ., 2016, 512 p.
- Zhukovsky V. A.** Polnoe sobranie sochinenii i pisem [The Complete Works]. Eds. A. Yanushkevich, O. Lebedeva et al. Moscow, 1999–2018, vol. 1, 760 p.; vol. 2, 839 p.; vol. 12, 543 p.; vol. 13, 608 p.; vol. 15, 1088 p. (in Russ.)
- Zorin A.** Kormya dvuglavogo orla... Literatura i gosudarstvennaya ideologiya v Rossii v poslednei treti XVIII – pervoi treti XIX veka [Feeding the double-headed Eagle... Literature and state ideology in Russia in the last third of the 18th – first third of the 19th century]. Moscow, NLO, 2004, 416 p. (in Russ.)
- Zykova G. V.** Zhurnal Moskovskogo universiteta “Vestnik Evropy” (1805–1830 gg.) [The journal of the Moscow University Bulletin of Europe (1805–1830)]. Moscow, Dialog-MGU, 1998, 129 p. (in Russ.)

Информация об авторе

Дмитрий Владимирович Долгушин, доктор филологических наук
Scopus Author ID 36650505200
WoS Researcher ID ABB-7953-2021
RSCI Author ID 313367
SPIN 7859-8316

Information about the Author

Dmitry V. Dolgushin, Doctor of Sciences (Philology)
Scopus Author ID 36650505200
WoS Researcher ID ABB-7953-2021
RSCI Author ID 313367
SPIN 7859-8316

*Статья поступила в редакцию 05.11.2024;
одобрена после рецензирования 15.11.2024; принята к публикации 18.11.2024
The article was submitted on 05.11.2024;
approved after reviewing on 15.11.2024; accepted for publication on 18.11.2024*